

V.A. Veremenko

*Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Pushkin Leningrad State University,
Saint Petersburg*

TEACHING OF «LAW OF GOD» IN RUSSIAN SECONDARY SCHOOLS IN THE SECOND HALF OF THE XIX–BEGINNING OF THE XX

The article is dedicated to the problems of religious education in secondary schools in the late imperial Russia. The author also analyzes the teaching of the Law of God, as the main method of forming religiosity among adolescents. It is concluded that the main efforts of most of law teachers were aimed at learning articles of faith by pupils, and little attention was paid to the shaping of pupils' religious and moral worldview. Thus, the compulsory study of the «Law of God» by secondary school pupils was not an obstacle to the spread of nihilistic and atheistic beliefs among the educated youth.

Keywords: religious education, Law of God, law teacher, secondary school, dogmas, religious and moral worldview, atheism.

V.A. Veremenko

*Кандидат исторических наук, доцент, Ленинградский государственный университет
им. А.С. Пушкина.*

Санкт-Петербург

Статья посвящена проблемам религиозного образования в средней школе России в позднимперский период. Анализу подвергается преподавание «Закона Божия», как главного способа формирования религиозности в подростковой среде. Делается вывод о том, что основные усилия большинства законоучителей были нацелены на обеспечение усвоения учениками догматов веры, а на формирование у школьников религиозно-нравственного мировоззрения обращалось мало внимания. Таким образом, обязательное изучение учащимися средней школы «Закона Божия» не стало препятствием к распространению среди интеллигентного юношества нигилистических и атеистических воззрений.

Ключевые слова: религиозное образование, Закон Божий, законоучитель, средняя школа, догматы, религиозно-нравственное мировоззрение, атеизм.

ПРЕПОДАВАНИЕ «ЗАКОНА БОЖИЯ» В СРЕДНЕЙ ШКОЛЕ РОССИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX–НАЧАЛЕ XX ВВ.

Главными задачами воспитания в стенах государственной школы России объявлялись: «забота о развитии в детях религиозного чувства, любви к отечеству и престолу, приучение к скромности, порядку, повиновению, развитие склонности к добру, правдивости и правде» [1]. В реализации первой из них

наибольшая роль отводилась законоучителям, которые должны были преподавать детям «Закон Божий», а часто также проводить церковные службы в школьной или приходской церкви, осуществлять таинства исповеди и причастия в отношении учащихся [Правила определения религиозной принадлежности детей в России второй половины XIX–начала XX вв. см: 2].

Предполагалось, что к моменту поступления в школу родители уже поставят «детей в отношении религии на твердую почву», т.е. обучат их основным молитвам, приучат соблюдать религиозные обряды и ежедневно читать Библию [3]. В некоторых семьях действительно практиковалось совместное чтение священных книг, прежде всего, Евангелия [4], но чаще речь шла о выучивании нескольких молитв и основных религиозных текстов в объеме, необходимом для поступления (прохождения собеседования по «Закону Божьему») в среднюю школу.

Уровень требований по «Закону Божьему» при поступлении во все средние учебные заведения был приблизительно одинаковым. Для детей православного вероисповедания он включал в себя знание основных обрядовых сторон (молитв, славянской азбуки, умение правильно креститься). Для детей евангелическо-лютеранского исповедания необходимо было знать молитву «Отче наш», а также «несколько песен, уместных для утренних и вечерних молитв, а также для молитвы перед едой» [5; 6]. Описание вступительного испытания находим в воспоминаниях О. Яфа: «... Мама однажды утром повезла меня в гимназию на приемный экзамен <...> Марья Николаевна Стоюнина, облаская, самолично проэкзаменовала меня по русскому языку, арифметике и Закону Божию (письменно – в классе, устно – в учительской)...» [7]. В отдельных учебных заведениях, к приемным испытаниям привлекались священники: «Последний экзамен был по Закону Божьему. Священник почему-то сидел не за столиком, а у окна. Он хитро и насмешливо щурился и поглаживал большую седоватую бороду. Я встала перед ним. Он о чем-то спросил меня, а потом велел прочитать “Отче наш”. Я прекрасно знала молитву, но почему-то в одном месте приостановилась. “Вот и сбилась”, – насмешливо произнес священник и подсказал мне нужные слова. Я дочитала молитву до конца, но вместо того, чтобы отвесить поясной поклон, как полагалось, сделала реверанс. Священник опять посмотрел мне в лицо с легкой усмешкой и отпустил меня» [8].

Иногда, как правило, в семьях «неверующих родителей», где о Боге либо вообще не говорили, либо «вышучивали» все, «начиная от просфор и свечек и кончая верованиями в Божественность Христа» [9], даже этот необходимый минимум дети изучали не дома, а в специализированных учебных заведениях – детских садах и подготовительных классах. Например, Т.Г. Морозова с 6-ти лет училась в частной подготовительной школе, где ее готовили к поступлению в институт. Именно там (а не дома!) она узнала «библейские легенды о сотворении мира, об Адаме и Еве, о Всемирном потопе, о Благовещении – явлении Архангела Гавриила деве Марии, возвестившем ей о предстоящем рождении

ею сына Божия, об Ироде, умертвившем тысячи младенцев, надеясь погубить среди них недавно рожденного Мессии, о распятии Иисуса на кресте и о его чудесном Воскресении». В школе же она выучила и все «важнейшие молитвы» и «десять заповедей Божих». «Все, что я учила, – вспоминала позже Т.Г. Морозова, – я брала на веру как общепризнанные и не вызывающие сомнения факты» [10].

В подавляющей массе дворянско-интеллигентных семей данные «религиозные» знания (именно знания, а не нравственно-эмоциональные представления) имели и для родителей, и для ребенка такой же статус, как и другие предметы (чтение, письмо, иностранные языки, арифметика и т.д.), к которым его также готовили к школе. Яркую иллюстрацию именно такого понимания религиозной подготовки находим в дневнике Е.С. Кавос, где мать, характеризуя степень готовности своих детей к школе, ставит «Закон Божий» далеко не на первые места:

«апрель 1903 г.

Наташа может поступить во II кл.

Русский яз. приготовлена хорошо

Арифметика. Летом надо упражняться в изустном счете (познакомить с упрощенным способом умнож. и деления) <...> Немножко познакомить с дробями.

Немецкий – повторить все.

естествен. истор. подготовлена хорошо.

Закон Божий очень хорошо.

летом осталось французский.

Маруся.

Русский читает и рассказывает хорошо – пишет посредственно.

Летом следует упражняться в письме.

Немецкий – может поступить в III кл. только повторить все.

Закон Божий – подготовлена очень хорошо.

Естеств. история. может поступить во II кл. Курс анатомии знает осмысленно и хорошо.

Ботанику нужно осенью держать.

География. Курс II кл. знает очень хорошо.

Французский осенью» [11].

Такое отношение к Закону Божьему продолжало укрепляться у детей и в дальнейшем, на уроках и в процессе взаимодействия с законоучителями во внеучебное время.

Характеризуя преподавание данной дисциплины, необходимо отметить, что законоучителям, которым на изучение Закона Божия отводилось 2 час в неделю [12–14] (в то время как на другие предметы, прежде всего, языки

дети должны были тратить до 6–8 ч. в неделю) [15], значительно проще было относиться к своему предмету как к обычному школьному курсу – с выставлением баллов за знание того или иного текста или сюжета, чем пытаться формировать религиозно-нравственные воззрения своих учащихся.

Вот как обычно выглядело обучение: «В пансионе, как раньше дома, меня учили по книжкам Закону Божию, то есть заставляли заучивать наизусть молитвы, большинство которых я знал и раньше, заставляли заучивать и передавать своими словами все те же знакомые мне рассказы о сотворении Господом Богом мира, о невинном, с моей детской точки зрения, грехе наших прародителей, которые вдвоем съели всего только одно яблоко с запрещенного дерева, заставляли учить и рассказывать все о грехах да о грехах людей, и о Божеских карах» [17]. В результате современники вынуждены были констатировать, что «благодаря современной бюрократической школе, вы редко встретите прошедшего ее интеллигентного человека, который читал бы евангелие и был бы знаком с основными принципами христианского учения <...> Сущность этого высокого учения с самого детства связана в воображении образованного человека с неподвижным, мертвым ритуалом, с таким окаменелым церемониалом, который говорит только о том, что жизнь давно отлетела от него» [18].

Редко кто из законоучителей заслуживал высокой оценки как воспитатель и просветитель, редко о чьих занятиях вспоминали как об «истинно одушевленной проповеди <...>, в которой чувствовался отголосок величавой библейской простоты и убедительности» [19]. Но и этим (может быть, действительно, лучшим христианским педагогам), было крайне сложно конкурировать с широко укоренившимся в российском интеллигентном обществе антиклерикализмом. Тем более, это касалось случаев, когда насмешкам родителей, потешавшимся над «длинноволосыми попами» [20] противопоставлялись крики и оскорбления со стороны священников.

Приведем в качестве далеко не однозначного примера «яркую и поучительную» деятельность в качестве законоучителя (именно так указано в биографическом очерке) о. Иоанна Кронштадтского, оцениваемую автором биографии как «образец истинно-христианской» педагогики:

«В пятом классе у нас был некто М., юноша 16 лет, крайне ленивый и испорченный. Мы учили катехизис. На одном из уроков, посвященном, по поводу первого члена Символа веры, определению Бога, как Духа, вдруг среди урока М. встает с своего места и резко заявляет батюшке о том, что он отказывается признать это определение. В классе воцарилась гробовая тишина.

– Безбожник! Изувер! – отрезал вдруг о. Иоанн, пронизывая М. своим резким и упорным взглядом. – А ты не боишься, что Господь лишит тебя языка за твое юродство? Кто произвел тебя на свет?

– Отец с матерью, – отвечал глухим голосом М.

– А кто произвел самый свет? Кто создал видимое и невидимое?

М. молчал.

– Молитесь, дети, – обратился тогда батюшка ко всему классу. – Молитесь со всем усердием и верую!

По окончании урока М. был позван к батюшке в учительскую. О чем говорил он с М. с глазу на глаз, для нас осталось неизвестным; но мы видели, каким взволнованным и потрясенным вышел М. после этой беседы, вообще заметно переменявшийся с этого дня» [21].

Вполне возможно, что «священный трепет», который вызывал о. Иоанн действительно повлиял на подростка, и восторженное описание бывшим воспитанником итогов деятельности законоучителя отражает произошедшую в ученике перемену. Впрочем, дальнейшая судьба этого М. нам неизвестна...

Гораздо чаще подростские ученики вообще ничего не упоминали о законоучителях, перечисляя своих преподавателей в воспоминаниях. Если же речь о нем все же заходила, то авторы часто насмехались над теми или иными чертами школьного священника. Например, по воспоминаниям Н.Л. Лисовской в начале XX в. в Театральном училище Закон Божий преподавал священник Василий Фастович Пигулевский: «Он был тот ещё хвостун и фронт», любивший повторять рассказ о том, как он был одет, когда нанимался в Театральное училище, и как все воспитательницы, увидев его, тут же были влюблены. Воспитанниц это сильно потешало и, пользуясь этим «в своих интересах при возможном опросе на оценки, отвлекали его, задавая массу вопросов к делу не относящихся. Например: «Батюшка, а что у Вас бывает на обед?» или «Какие газеты Вы читаете?». «Какие духи Вы употребляете?». Батюшка воодушевлялся и, забыв об опросе, пускался в длинные разговоры и воспоминания» [22]. Подчас же бывшие ученики просто ограничивались характеристиками наподобие вот такой: «О[тец] Павел ... вел у нас уроки Закона Божия. К сожалению, в нашем батюшке не чувствовалось ни благодушия, ни душевной теплоты. А иногда он казался даже грубоватым» [23].

Два возможных варианта преподавания данного предмета представлены в воспоминаниях гимназистки Ю.И. Фаусек: «В течение всего моего учения в гимназии у меня было два законоучителя: первый – невежественный священник. Задававший нам уроки «отсюда и досюда» по Базарову, который мы должны были заучивать почти что на память. Он был непосредствен до крайности: сидя за учительским столом, положивши на него локти, он долго чесал голову и говорил: «странно, вошей нет, а голова чешется» [24]. Очевидно, что подобные учителя вызывали у учениц чувство раздражения и отрицательное отношение к предмету.

В противовес «невежественному священнику» второй преподаватель был человеком образованным – протоирей, он не только читал свой предмет, но и старался расширять общий кругозор воспитанниц: «В седьмом классе батюшка, кроме уроков Закона Божия занимался нашим общим развитием: он читал нам Некрасова, Добролюбова, передовую в то время газету «Голос».

Все это, конечно, делалось по секрету от начальства. Классная дама делала вид, что она ничего не знает и чаще всего не присутствовала на уроках и, из уважения к батюшке, молчала» [24].

В целом же, слабая компетентность преподавателя Закона Божия (особенно среди православных и даже во вполне престижных учебных заведениях), боязнь отойти от привычных догм и понятий, страх перед детской непосредственностью, и не знание как реагировать на детские «грехи», что, скорее всего, было вызвано крайне неудовлетворительными познаниями в педагогике, отражались даже на такой интимной сфере как исповедь и причастие. Рекомендации устанавливали, что «Исповедь учащихся должна всегда совершаться в полной благоговения обстановке. Она отнюдь не должна быть тороплива <...> Средствами подготовки учащихся к осмысленному выполнению ими дела исповеди и св. причастия могут специальные беседы законоучителя <...> Нельзя допускать исповедания нескольких учеников вместе, а при стечении большого количества учащихся должно распределять исповедь их на несколько дней» [25]. На деле же, нередко ходили по несколько человек, заранее «для памяти» записывая свои «грехи» [26–28]. Возможна была, и кажущаяся совершенно невероятной история превращения таинства в школьный опрос. Так, ученица Театрального училища А.П. Натарова вспоминала о. Петра Успенского, который на исповеди «собственно о грехах не спрашивал, а главным образом проверял знания воспитанников и воспитанниц из краткого катехизиса» [29].

В результате отказ законоучителя от ответов на «трудные вопросы», от помощи в морально-нравственных исканиях детей, очень часто становился началом пути подростков к религиозному скептицизму, к окончанию школы нередко превращавшемуся в безбожие.

Самыми главными «трудными вопросами» становились даже не проблемы религиозной догматики, а сложность сочетания христианской морали с реальной жизнью людей. Вот как описывала произошедшие после поступления в гимназию изменения в мировоззрении сына одна из матерей: «Ребенок увидел, что в жизни вместо “Божьего” закона стоит “человеческий”, вместо безусловной правды и любви есть правда, соединенная с обманом, и любовь, сопровождаемая злобой; при чем в одной среде эти понятия требуют одних поступков, в другой – других: есть правда учительская и ученическая <...> “Зачем же тогда Божий закон, если он никем не выполняется?” Спрашивал он меня. Как идеал, к которому надо приближаться. Но это ему совершенно непонятно. Как это “приближаться”? Нельзя же следовать и одному и другому вместе; необходимо выбрать руководящим началом что-либо одно, этого требует его сознательная и цельная душа. Раз Божеский закон нельзя выполнять в жизни, надо взять другой и следовать ему неуклонно» [30].

Но были и другие, чисто догматические вопросы, на которые дети так и не получили ответа. Так, в ходе опроса более 300 учеников младших классов

мужских коммерческих училищ г. Москвы, проведенного в начале XX в. и посвященного исследованию того, что представляется детям «непонятым и загадочным», автор исследования И.М. Соловьев выявил «вопросы, обнаруживающие религиозный (выделено в тексте – В.В.) скептицизм. Так, 12 $\frac{1}{2}$ л. Б. пишет: «Меня очень удивляет, откуда взялся Бог, кто Его нам дал?» 9 $\frac{1}{2}$ л. М. спрашивает: “Как это Бог одним словом всю землю сделал и все, что находится на ней?” 12 л. С.: “Зачем будут мучить людей в аду?” 10 л. А.: “Откуда знают, что ангелы летают? Кто их видел?”» [31].

Интересную зарисовку того, как нежелание (или невозможность в связи с крайней сложностью) дать ответы на подобные вопросы приводило в результате к формированию у ребенка религиозного скептицизма, мы находим в воспоминаниях А. Лугового:

«Помню какое впечатление произвело на всех в классе и на меня в особенности, когда кто-то из моих соучениц, что постарше, хорошо ответив батюшке урок из закона Божия, в заключение задала ему вопрос.

– Батюшка, как же это так: вот в Библии сказано, что Бог сотворил солнце, луну и звезды на четвертый день, а как же были без солнца и утро и вечер в первые три дня?

Священник сначала немного растерялся, но сейчас же уверенно сказал:

– А это были дни такие без солнца... Божьи дни... большие долгие дни.

Ответ не удовлетворил вопрошавшую.

– Так как же, батюшка, утро и вечер без солнца? Стало быть, было какое-нибудь другое солнце, которое всходило и заходило?

– Нет, другого солнца не было, – ответил, хмурясь священник. – А вот будете постарше, все узнаете и поймете, – круто оборвал и вызвал отвечать заданный урок меня.

Я ответил, как всегда, на пятерку. Но с этого дня запала в мою душу семя уже настоящего скептицизма» [32].

Характерно при этом, что последующее появление рядом с подростком искренне верующего преподавателя и даже влияние религиозной семьи уже редко могли что-либо исправить. Недаром, оценивая этапы своего религиозного образования, Ю.И. Фаусек отмечала: «До двенадцати лет (до тех пор, пока уроки закона Божия в гимназии не убили во мне мою детскую веру), я была религиозным ребенком, горячо молилась и вместе с матерью участвовала во всех ритуалах религии» [33]. В результате, как отмечали современники, «атеизм и материализм, самый грубый, поверхностный, принятый на веру, распространяется, как повальная болезнь, среди юношей 14–16 лет. В 5-м, 6-м классе уже никто почти не верит в душу и Бога» [34].

Столкнувшись с неприятием своего предмета, передовые преподаватели Закона Божия заменяли изучение той или иной религии обсуждением философско-религиозных исканий своих современников, считая, что поддержание (возвращение, формирование) в детях веры значительно

важнее уяснения ими догматов соответствующего вероучения. О таком законоучителе – отце Иоанне Егорове – вспоминала Н.И. Таген-Торн, бывшая ученицей гимназии Оболенской в начале XX в.: «В нашем классе было просто плохим тоном – всерьез относиться к урокам Закона Божьего» [35]. Законоучитель «знал, конечно, об отношении к его предмету девочек дворянско-интеллигентской среды. У одних – прикрытое воспитанностью хорошего общества, у других – откровенно скептическое. Но, так или иначе, учить всерьез уроки Закона Божьего, конечно, никто не считал нужным. Трудно, вероятно, приходилось отцу Иоанну. На кого опереться? И, верно, был он не только образованный, но и неглупый, не склонный к рутине человека. Не знаю уж как, но он все же сумел найти подход и однажды, не без труда преодолевая вежливый, но явный скептицизм, начал рассказывать нам о работе Владимира Соловьёва “Три разговора”».

Отец Иоанн знал, что для большей части класса она была не по силам, но ему надо было овладеть наиболее способной, развитой и, конечно, поэтому наиболее скептически к нему относившейся группой из пяти девочек, куда входили и Нина Мелких, и моя ближайшая подруга Аня Ольдерогге – страстный, уже оформившийся микробиолог, – и я. Он так пересказал нам эти “Три разговора”, что мы сидели, затаив дыхание, забыв все, видя только блистательные образы “доктора Паули” и “белого, как свечка, отца Иоанна”. Батюшка назвал нам и имя автора – Владимир Сергеевич Соловьёв, профессор университета» [35].

Предложения по изменению характера преподавания дисциплины, отказу от религиозно-догматического направления в пользу «свободного выбора» детей высказывала и часть педагогов – сторонников становившейся все более популярной концепции «свободного воспитания»: «Церковно-религиозное воспитание, даже при несравненно лучшей постановке, чем существует теперь, – утверждали они, – при идеальной постановке, по самому содержанию предмета», имело, на их взгляд, отрицательное влияние на воспитанника. Прежде всего, внедряя «недоступные детскому уму догматы, оно притупляет детскую пылкость, силу и ясность ума». Сами догматы касаются таких проблем, «к решению которых человек должен подойти свободный от привитых извне с детства привычек» и, тем самым, школа «препятствует как раз развитию сильного, живого и деятельного религиозного чувства <...>, в каждый чистый альтруистический порыв внося мысль о загробной награде или наказании» [36].

Полный же отказ от специализированного и малопонятного для детей преподавания Закона Божия, при условии расширения изучения других предметов и при наличии честных ответов на вопросы детей, не только не должен был привести, по мнению апологетов «свободного воспитания», к росту неверия, а наоборот, должен был способствовать распространению настоящей, недогматизированной веры. Человек «не может не быть религиозным», –

утверждали современники. «И чем шире его кругозор, чем многостороннее его любовь, чем цельнее и свободнее его воля – тем выше, прекраснее, деятельнее его религия» [36].

Таким образом, на фоне широкого распространения в дворянско-интеллигентной среде пореформенной России нигилистических и атеистических идей, роста числа «неверующих» или, по крайней мере не соблюдавших обряды семейств, значительно возрастала роль законоучителя, как главного (если не единственного) проводника религиозного воспитания детей. Однако даже наиболее преданным своему делу преподавателям Закона Божия было крайне трудно противостоять влиянию «секуляризованного» общества и семьи. Учителю легче было «просто преподавать» те или иные тексты в соответствии с программой и ставить за них баллы, чем формировать религиозное сознание своих воспитанников. В итоге, основная масса законоучителей постепенно эволюционировала в обычных, подчас далеко не лучших, преподавателей, и, следовательно, оказалась не в состоянии ответить на вызовы времени. Те педагоги, которые пытались укрепить детскую веру, всё дальше отходили от догматов соответствующей христианской конфессии, становясь, по сути, преподавателями религиозной философии.

Литература и источники

1. Императорский Гатчинский Сиротский институт. Краткий очерк его современного состояния. СПб., 1896. С. 7
2. Веремко В.А. К вопросу об определении религиозной принадлежности детей в России во второй половине XIX–начале XX вв. // Человек в истории: массовое сознание и повседневная жизнь российского общества: сб. науч. ст. / под общ. ред. В.А. Веремко; отв. ред. И.А. Тропов. СПб., 2014. С. 12–22.
3. Фионов А. Речь о единении между семьей и школой // Циркуляр по управлению Санкт-Петербургским учебным округом. 1872. №3. Приложение. С. 9.
4. Институт русской литературы Российской академии наук (ИРЛИ РАН). (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 1. Л. 9.
5. Подготовление к училищу св. Анны. СПб., 1894.
6. Школа Е.С. Левицкой в Царском Селе. СПб., 1903. С. 3.
7. Отдел рукописей Российской национальной библиотеки (ОР РНБ). Ф. 163. Д. 314. Л. 90.
8. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки: Воспоминания воспитанниц институтов благородных девиц / Сост., подг. текста и коммент. В.М. Боковой и Л.Г. Сахаровой, вступ. статья А.Ф. Белоусова (далее – Институтки...). М., 2001. С. 395.
9. Казмин-Вьюгов Н. О религиозном воспитании детей. СПб., 1908. С. 15.
10. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки ... С. 463–464.
11. ИРЛИ РАН. (Пушкинский дом). Ф. 445. Д. 16. Л. 10–11.
12. См. Нормальная табель, учебные планы и программы для женских институтов и гимназий Ведомства Учреждений Императрицы Марии, Высочайше утвержденные 6-го августа 1905 г. Саратов, 1908.
13. Справочник по среднему образованию. / Сост. Д. Марголин. – СПб. – Киев, 1912.
14. Учебные заведения ведомства Министерства Народного Просвещения. Справочная книга, составленная по официальным сведениям к 1-му января 1905 г. СПб., 1907.
15. Wiedemann H. Chronik der St. Annen-Kirchenschule. Sankt Petersburg, 1853. S. 33.

16. Центральный государственный исторический архив г. Санкт-Петербурга (ЦГИА СПб.). Ф. 751. Оп. 1. Д. 716. Л. 1-2.
17. Луговой А. Как росла моя вера // Вестник Европы. 1909. Кн. 3. С. 170–171.
18. Накашидзе Н. Мысли о воспитании // Свободное воспитание. 1908–1909. №1. С. 93.
19. Пятидесятилетие С.-Петербургской Александровской женской гимназии: Хроника гимназич. жизни и деятельности. СПб., 1910. С. 37.
20. Андреевский Г.В. Повседневная жизнь Москвы на рубеже XIX–XX вв. М., 2009. С. 287–288.
21. Дневник о. Иоанна Кронштадтского. Моя жизнь во Христе. С биографическим очерком С. Голованова. СПб., 1898. С. 19.
22. Лисовская Н.Л. Воспоминания о Петроградском Театральном училище [1911–1919] // Вестник Академии Русского Балета им. А.Я. Вагановой. 1995. № 4. С. 26.
23. Морозова Т.Г. В институте благородных девиц // Институтки ... С. 466.
24. ОР РНБ. Ф. 807. Д. 7. Л. 187; 188.
25. Странник. 1910. №2. С. 258.
26. См.: Водовозова Е.Н. На заре жизни // Институтки ... С. 275;
27. Странник. 1910. №2. С. 264.
28. ОР РНБ. Ф. 1000. Оп. 9. Д. 162. Л. 12.
29. Натарова А.П. Из воспоминаний артистки // Вестник Академии Русского Балета им. А.Я. Вагановой. 1997. № 5. С. 71.
30. А-ская. Из записок матери // Свободное воспитание. 1907–1908. №10. С. 79–80.
31. Соловьев И.М. Запросы детской мысли // Свободное воспитание. 1907–1908. №6. С. 8.
32. Луговой А. Как росла моя вера // Вестник Европы. 1909. Кн. 3. С. 171–172.
33. ОР РНБ. Ф. 807. Д. 7. Л. 69.
34. А-ская. Из записок матери // Свободное воспитание. 1907–1908. №10. С. 88.
35. Гаген-Торн Н.И. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?t=book&num=759> (дата обращения 29.03. 2013).
36. Казмин-Вьюгов Н. О религиозном воспитании детей. СПб., 1908. С. 40–42; 47.

References

1. *Imperatorskiy Gatchinskiy Sirotskiy institut. Kratkiiy ocherk ego sovremennogo sostoyaniya* [Imperial Gatchina Orphan institution. Brief essay of its modern condition]. SPb., 1896. p. 7
2. Veremenko V.A. *K voprosu ob opredelenii religioznoy prinaldzhnosti detey v Rossii vo vtoroy polovine XIX – nachale XX vv.* [Issue of determining the religious of children in Russia in the second half of the XIX – early XX] // Chelovek v istorii: massovoe soznanie i povsednevnyaya zhizn' rossiyskogo obshchestva: sb. nauch. st. / pod obth. red. V.A. Veremenko; otv. red. I.A. Tropov. SPb., 2014. pp. 12–22.
3. Filonov A. *Rech' o edinenii mezhdru sem'ey i shkoloyi* [Speech about uniting of schools and families] // Cirkulyar po upravleniyu Sankt-Peterburgskim uchebnim okrugom. 1872. no 3. Prilozhenie. p. 9.
4. *Institut russkoy literatury Rossiiyskoy akademii nauk (IRLI RAN)* [Institution of Russian literature of Russian Academy of Science]. (Pushkinskiy dom). F. 445. D. 1. L. 9.
5. *Podgotovlenie k uchilithu sv. Annih* [Prepared for the college of St. Anna]. SPb., 1894.
6. *Shkola E.S. Levickoy v Carskom Sele* [School of E.S. Levickaya in Tsarskoye Selo]. SPb., 1903. p. 3.
7. *Отдел рукописей Rossiyskoy nacional'noy biblioteki (OR RNB)* [Manuscript Department of Russia National Library]. F. 163. D. 314. L. 90.
8. Morozova T.G. *V institute blagorodnikh devic // Institutki: Vospominaniya vospitannic institutov blagorodnikh devic* [In the Institute for Noble Maidens. Memories of pupils of the Institute for Noble Maidens] / Sost., podg. teksta i komment. V.M. Bokovoy i L. G. Sakharovoy, vstup. statiya A.F. Belousova (dalee – Institutki...). Moscow, 2001. p. 395.
9. Kazmin-Vyugov N. *O religioznom vospitanii detey* [About religious education of children]. SPb., 1908. p. 15.
10. Morozova T.G. *V institute blagorodnikh devic* [In the Institute for Noble Maidens] // Institutki ... pp. 463–464.
11. IRLI RAN. (Pushkinskiy dom). F. 445. D. 16. L. 10–11.

12. *Normal'naya tabel', uchebnihe planih i programmih dlya zhenskikh institutov i gimnaziij Vedomstva Uchrezhdenij Imperatricih Marii, Vihsochayshje utverzhdennihe 6-go avgusta 1905 g.* [Educational schedule, curriculum and programs for women's institutions and high schools of the Department created by empress Maria, 6 August, 1905] Saratov, 1908.

13. *Spravochnik po srednemu obrazovaniju.* [Guidebook on secondary education]/ Sost. D. Margolin. – SPb. – Kiev, 1912.

14. *Uchebnihe zavedeniya vedomstva Ministerstva Narodnogo Prosvetheniya. Spravochnaya kniga, sostavlen'naya po oficial'nim soedeniyam k 1-mu yanvarya 1905 g.* [Educational institutions of the Department of Ministry of Education. Guidebook, 1905] SPb., 1907.

15. Wiedemann H. Chronik der St. Annen-Kirchenschule. Sankt Petersburg, 1853. S. 33.

16. *Central'nijuh gosudarstvennijuh istoricheskijuh arkhiv g. Sankt-Peterburga (CGIA SPb.)* [Central State Historical Archive of Saint Petersburg]. F. 751. Op. 1. D. 716. L. 1-2.

17. Lugovoy A. *Kak roslo moyo vera* [How my faith grew up]// Vestnik Evropih. 1909. Book 3. pp. 170–171.

18. Nakashidze N. *Mihslj o vospitanii* [Thoughts about upbringing]// Svobodnoe vospitanie. 1908–1909. no 1. p. 93.

19. *Pyatidesyatiletie S.-Peterburgskoj Aleksandrovskoj zhenskoy gimnazii: Khronika gimnazich. zhizni i deyatel'nosti* [The 50th Anniversary of St. Petersburg Alexandrovskaya women's college]. SPb., 1910. p. 37.

20. Andreevskij G.V. *Povsednevnyaya zhiznj Moskvih na rubezhe XIX–XX vv.* [Daily life in Moscow at the turn of the XIX–XX] M.oscow, 2009. pp. 287–288.

21. *Dnevnik o. Ioanna Kronshtadtskogo. Moya zhiznj vo Khriste. S biograficheskim ocherkom S. Golovanova* [Dairy of John Kronshtadsky. My life in Christ. Biography of S. Golovanov]. SPb., 1898. p. 19.

22. Lisovskaya N.L. *Vospominaniya o Petrogradskom Teatral'nom uchilithe (1911–1919)* [Memories about Petrograd Theatre college (1911–1919)] // Vestnik Akademii Russkogo Baleta im. A.Ya. Vaganovoj. 1995. no 4. p. 26.

23. Morozova T.G. *V institute blagorodnihkh devic* [In the Institute for Noble Maidens] // Institutki ... p. 466.

24. OR RNB. F. 807. D. 7. L. 187; 188.

25. *Strannik* [Wanderer]. 1910. no 2. p. 258.

26. Vodovozova E.N. *Na zare zhizni* [A the dawn of the life]// Institutki ... S. 275;

27. *Strannik* [Wanderer]. 1910. no 2. p. 264.

28. OR RNB. F. 1000. Op. 9. D. 162. L. 12.

29. Natarova A.P. *Iz vospominanijuh artistki* [From the memories of actress]// Vestnik Akademii Russkogo Baleta im. A.Ya. Vaganovoj. 1997. no 5. p. 71.

30. A-skaya. *Iz zapisok materi* [From the mother's notes]// Svobodnoe vospitanie. 1907–1908. no 10. pp. 79–80.

31. Solovjev I.M. *Zaprosih detskoyuh mihsli* [Demands of childhood]// Svobodnoe vospitanie. 1907–1908. no 6. p. 8.

32. Lugovoy A. *Kak roslo moyo vera* [How my faith grew up]// Vestnik Evropih. 1909. Book 3. pp. 171–172.

33. OR RNB. F. 807. D. 7. L. 69.

34. A-skaya. *Iz zapisok materi* [From the mother's notes]// Svobodnoe vospitanie. 1907–1908. no 10. p. 88.

35. *Gagen-Törn N.I.* Available at: <http://www.sakharov-center.ru/asfd/auth/?t=book&num=759> (accessed 29.03. 2013).

36. Kazmin-Vjyugov N. *O religioznom vospitaniiu detej* [About religious upbringing of children]. SPb., 1908. pp. 40–42; 47.